

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2005
Номер выпуска: 25
Заглавие: По степи донецкой
Автор: Э. Сокольский

Мы решили в разделе «Нам пишут» поместить очерк ростовского журналиста Э. Сокольского, который давно и серьезно изучает древнерусские и донские архитектурные древности. Для этого он проводит специальные поездки за свой счет. Предлагаемый рассказ касается мест около х. Котломино, бывшего имения Зембулатова, и других мест вблизи Таганрога, связанных с именем А.П. Чехова. Рассказ иллюстрируют фотографии автора. Конечно от чеховских мест сегодня ничего не осталось, но нам кажется, что все, кому дорога история родного края с интересом познакомятся с присланным нам материалом ростовского исследователя.

В одном из писем 1897 года к издателю журнала «Осколки» Н.А. Лейкину Антон Павлович Чехов признался: «Ужасно люблю все то, что в России называется именем. Это слово еще не потеряло своего поэтического смысла». «Усадебная география» Чехова достаточно известна: подмосковные Бабкино и Мелихово, калужское Богимово, сумское Лука и многие другие. Однако двум чеховским уголкам, которые находятся в непосредственной близости от родины Антона Павловича, не повезло: они не избалованы вниманием пишущих о Чехове.

Самый близкий и доступный памятный уголок в окрестностях Таганрога - хутор Котломин, или, по-старому, Котломино, в сорока километрах к северо-западу от города, близ села Ефремовка, на берегу реки Мокрый Еланчик.

В XVIII веке здешними землями владел некий помещик Васильев, а после него майор Борис Андреевич Котломин, основавший в 1792 году хутор, который и получил название Васильево-Котломино, или Борисовский. Впоследствии хутор стал называться по имени своего нового хозяина Зембулатова, однако наиболее живучим оказалось название Котломино.

Чехова сюда привела дружба с Василием Зембулатовым, которая началась в гимназии, продолжалась в годы студенчества и сохранялась до последних лет жизни Антона Павловича (к слову сказать, долгое время Зембулатов был железнодорожным врачом в Серпухове, по соседству с Лопасней, где довелось практиковать и Чехову). Возможно, пребывание в Котломино представляет собою наиболее веселые и беззаботные ее страницы.

Зембулатовская усадьба выглядела довольно скромно: главный дом на возвышении, хозяйственные постройки и фруктовый сад с беседками. К речке, где были сооружены сходни и купальни, вели выложенные камнем дорожки. Недалеко от усадебки, в ста метрах от хутора, находилась почтовая станция (ямщицкая и постоялый двор с колодцем и родником).

Урядник Иван Васильевич Зембулатов не стал возражать, когда его старший сын Василий предложил пригласить к ним на лето Антона. Было это в июле 1879 года, когда Чехов окончил таганрогскую гимназию. Котломино и общество Зембулатовых, видимо, так полюбились Антону, что усадьбу он посетил и на следующее лето, когда приезжал в Таганрог за стипендией, учрежденной городской управой для тех своих уроженцев, кто отправлялся продолжать высшее образование. Василию и Антону - уже студентам-медикам Московского университета - хозяин отвел по кабинету, да в придачу большую беседку в саду для «научных занятий». Занятия эти у хуторян вызывали суеверный страх: двое странных юношей проводили опыты над лягушками и крысами, которых добывал для них младший брат Василия Виссарион. В соломенной шляпе, в красной рубашке, босой - таким запомнился молодой Чехов хуторянам. Теперь об этом говорят их внуки и правнуки - нынешние старожилы.

Как свидетельствовали очевидцы нынешним внукам и правнукам, гость особенно любил охотиться на воробьев и ловить рыбу (последнее целиком поглощало его внимание: не замечал и местных ребяташек, которые сидели в стороне и считали, сколько рыбешек он выловит).

О происшествии на рыбной ловле вспоминал, уже будучи заседателем слободы Покровской Таганрогского округа, Виссарион Иванович Зембулатов, сам принимавший участие в забавах Антона (его рассказ безвестному корреспонденту был напечатан в 22-м номере газеты «Приазовский край» за 1904 год). Однажды они оба причалили к берегу в корыте, которое заменяло им лодку, и, как обычно, никого и ничего не замечая вокруг, следили за поплавками. В этот момент госпожа Зембулатова незаметно подошла к ним и шутки ради перевернула корыто. Антон Павлович в долгу не остался: «как был - мокр и грязен - отправился в дом и лег в гостиной на мягком дорогом диване».

Однако матушка понимала лишь собственные шутки. Это подтверждает дальнейший рассказ Виссариона Зембулатова. Когда зимою 1879-1880 года в Таганрог стали приходиться журналы с юмористическими рассказами, подписанными «А. Чехонте», Виссарион, его отец и мать легко угадывали, кто скрывается под псевдонимом: сценки в рассказах были знакомыми. Над рассказами не смеялась только мать Василия и Виссариона, не понимавшая, зачем описывать, «как люди едят, пьют, спят, гуляют и вообще проводят свою жизнь». А в следующий приезд гостя пригрозила сжечь его чемоданчик с рукописями. Вскоре чемоданчик и вправду исчез. Благодаря Виссариону удалось узнать, что к похищению была причастна дворовая девочка Олька. Антон Павлович: пригрозил виновнице, что сделает из нее такой же череп, какой поставил в своем кабинете на горке книг (череп всех приводил в трепет, из-за чего в кабинет никто из домашних, к удовольствию Чехова, заходить не хотел). Разрыдавшись, перепуганная Олька показала тайник: полуразрушенный шалаш в саду.

История достаточно занимательна, хотя в достоверности нынче убедиться трудно. Однако спустя много лет исконный житель Котломина Андрей Николаевич Шевченко вспоминал: «Я мысленно перебрал всех стариков и старух, а имени Ольки не вспомнил. У Зембулатовых работала семья Шкрибиных, жена Шкриби-на рассказывала, что своей грудью вскормила панычат - Василия и Виссариона; упоминала о своих дочерях - Пеллаге и Прасковье. Так что девочку, скорее всего, звали Поля...» Остается предположить, что либо Виссариона Ивановича подвела память, либо имя девочки было, например, Поля или Полька, а безвестный корреспондент расслышал его как Олька.

Поездки в гости к соседям, пение по праздникам на Клиросе в ефремовской Тихвинской церкви, где священником был сначала Жемчужников, потом - Колпиков оба стали добрыми знакомыми Чехова), наблюдения за ем забавным, что происходило все это было в жизни Чехова в Котломине и, должно быть, навсегда оставило у него теплую память. Больше побывать ему здесь не привелось; да и судьба имения скоро изменилась: зембулатовские земли приобрел последний «пан» Котломина помещик Шапошников, а в 1905 году продал их крестьянам. Дом, службы, дорожки - все было разобрано; и скоро от усадьбы осталось только название - Пановка... Однажды весной я подарил себе поездку в то дивное место, о чем расскажу немного позже.

Свидетельства авторов воспоминаний, особенно при скудости документальных сведений, конечно, ценны и позволяют нам видеть их героев живыми и естественными. Они помогают воскресить мгновения, события, пережитые героями нашего исследования, либо просто любопытства. Однако мемуары все же - жанр литературный и часто отражает не столько описываемого, сколько самого сочинителя; широту или узость его кругозора, доброту или злобность, мягкость или черствость, внимательность или рассеянность и так далее. К этому непременно нужно добавить: память или слабость (отсутствие) таковой. Увы, путаница в деталях и событиях - удел многих мемуаристов. Удачным примером служат

сочинения старшего брата писателя, Александра Чехова, - в частности, о пребывании Антона и самого Александра в имениях, где дедушка Егор Михайлович служил управляющим.

Среди обширных владений донского атамана Матвея Ивановича Платова были два, получившие известность благодаря Чехову: Большая Крепкая и Княжая, иначе - Плато-Ивановка (километрах в семьдесят к северо-востоку от Таганрога, ныне - территория Родионово-Несветайского района Ростовской области).

Большая Крепкая впервые упоминается в документах за 1799 год в связи с постройкой деревянного молитвенного дома на средства Платова. Спустя тринадцать лет в слободе встала каменная Покровская церковь, в которой служил отец Андрей Васильевич Китайский. Здесь, в Большой Крепкой, в доме священника, 10 августа 1855 года, по свидетельству Михаила Павловича Чехова, Евгения Яковлевна «разрешилась от бремени первенцем - сыном Александром». А Плато-Ивановка, как сообщает «журнал войсковой канцелярии» за 1805 год, «основана около 1797 года генерал-майором М.И. Платовым, с населением 15 душ крестьян в отдел для своего сына старшины Ивана Платова».

Иван Матвеевич Платов был уволен со службы в 1820 году по состоянию здоровья: однажды на охоте зацепил за ветку курок ружья - и выстрел повредил глаз и щеку. Платов стал редко показываться в светском обществе и много времени проводил в своих имениях, откуда иногда выписывал домашний скот в дар неимущим казакам.

Спустя три года после того, как он получил вольную, в 1844 году, Егор Михайлович Чехов из Воронежской губернии вместе с женой и младшим сыном Митрофаном переселился в Приазовье и вскоре устроился писцом в имение при Большой Крепкой. Грамотный, толковый, работящий, через некоторое время он уже был назначен управляющим. Л потом по распоряжению графини Анны Степановны Платовой Егор Михайлович переселился в деревню Княжая, по соседству, на должность управляющего имением ее дочери - княгини Марфы, изрядно запущенное, - поскольку ни князь Дмитрий Григорьевич Голицын, ни княгиня (получившая Княжую в приданое) жить там не желали.

Впервые Антон побывал у него в гостях в одиннадцатилетнем возрасте вместе со старшим братом Александром. Егор Михайлович уже почти год как жил на новом месте, в Княжей, после длительной размолвки с графиней, сместившей его с должности управляющего. Весну и лето Егор Михайлович провел в Таганроге у сына Митрофана, а осенью графиня соблаговолила вернуть Чехова к его обязанностям, позволив занять дом дочери и зятя. В богатых господских комнатах деду и бабке пришлось не по душе, и они рядышком выстроили себе хату в две комнатки - так оно привычнее. Жизнь пошла прежним чередом: теплое время года старики Чеховы проводили в Княжей, а по окончании полевых работ уезжали в слободу Твердохлебово иод Богучар, к дочери Александре.

Александр Чехов, говоря о своем первом знакомстве с имением на реке Крепкой, называет графиню Айну Степановну вдовой, хотя давно установлено, что тот его приезд с Антошей относится к лету 1871 года, а, согласно документам, И.М. Платов умер в 1874 году (впрочем, вдова в усадьбе в тот год была: дочь Ивана Матвеевича и Анны Степановны Марфа Голицына). Но это не самый большой «грех» Александра Павловича.

Назойливая «литературность» его воспоминаний иногда оставляет сомнение в точности рассказанного, хотя вроде и не трудно поверить в то, что Егора Михайловича любить было не за что: грубоватый, мужиковатый, раздражительный, жадный до денег, мелочный, болезненно-экономный, к мужикам жестокий (хотя и сам-то из мужиков!), рабски угодливый перед графиней... Даже приезд внуков не радовал его, а лишь давал повод ворчать и браниться. По части скупоści с дедом могла поспорить бабушка Ефросинья Емельянова.

Правда, в слободе Аграфеновке, которая лежит верстах в семи от бывших дедушкиных владений, несколько лет назад мне рассказали любопытную историю, показывающую деда с непривычной стороны. Это, конечно, всего лишь предание.

За год до окончания строительства тамошней церкви, в 1845 году, через слободу

проезжал на лошадях Егор Михайлович, заглянул в местный трактир и увидел за стойкой дочь трактирщика, дивную хохлушку с темными вишенками глаз и щедрой русой косой. Казалось, обремененный заботами крепкий хозяйственник не ведал сердечных слабостей. Но тут - сердце его дрогнуло... Беспокойно оглянувшись на сидящую за столом Ефросинью Емельяновну, придиричиво разглядывавшую стены и потолок, смущенно попытался завязать разговор: ловится ли рыба в Крепкой? Как вообще живет слобода? «Да вот церковь должны достроить, — ответила молодушка. — Хватило бы денег...» -она по-детски нахмурилась. «А много надо?» - тупо спросил Егор Михайлович, сам не зная зачем. «Да не очень» - хохлушка с любопытством взглянула на посетителя, тому показалось - в самую душу его. - Никак сможете помочь?» «Кхе... могу», - пробормотал Егор Михайлович и, потоптавшись, вернулся к столу, к лишней Ефросинье Емельяновне, которая уже с некоторым удивлением посматривала на мужа.

Прошел месяц, другой, а дед все не мог успокоиться, не мог забыть аграфеновскую красавицу... И не вытерпел - выгодно продал в городе зерно, со вздохом отсчитал добрую сумму да и поехал в Аграфеновку - жертвовать на церковь, малодушно убеждая себя, что именно в этом состоит его истинная цель. Но дивчины в трактире не было. Рассказали: против воли родителей пошла, убежала с местным хватом в город - то ли в Ростов, то ли в Таганрог... А деньги па церковь Егор Михайлович все же пожертвовал - богобоязненный был человек! (Церковь Одигитриевской Божией Матери - та самая, 1846 года, - в Аграфеновке, к счастью, сохранилась - и медленно разрушается).

Как живописует Александр Павлович приезд мальчиков к деду и бабке? В их глазах они прочли досаду: мол, черт принес! Потчевали Александра и Антона всего лишь хлебом, чаем, молоком и жареными голубями. И это при том, что дед - убежденный домостроевец, беспокоящийся о своей родне (известны, например, упорные его хлопоты о своей дочери Александре, о ее муже и сыновьях). Да к тому же - могло ль такое произойти в деревне, у безбедных хозяйственников? Еще сюжет: гуляя по деревне, мальчики увидели женщин, полоскавших белье. Узнав, что дети приехали к деду Егору, женщины сменили улыбки на ледяное молчание. Все до единой! Хотя деревенские жители (сохранившие, кстати, свою приветливость до сих пор, - во всяком случае в тех местах), прекрасно знают, что дети не виноваты в грехах их родственников... К прочему Александр Павлович пересказал следующие местные были. Однажды Егор Михайлович возвращался вечером домой. Кто-то поперек дорожки натянул бечеву; дед упал, на него набросили мешок с мукой, связали, так и валялся, пока его не обнаружила Ефросинья Емельяновна. В другой раз, тоже исподтишка, вымазали голову смолой и вывалили в перьях; бабка потом долго скоблила - не могла смолу отскоблить...

О чем говорят эти истории? Пожалуй, не столько о дедушке, сколько о самом Александре Павловиче, бойком публицисте, очеркисте, сочинителе рассказов и даже романов на потребу публике, лишенном, видимо, каких-либо этических норм, ибо свою близкую родню, корни свои он выставил на посмешище перед всем честным народом. Ради дешевой заманухи он не пожалел и дорогого человека, жалко оправдываясь после своих рассказней: может, и некими уж плохими они были, дед и бабка? - нет, все-таки они были лучше...

Великий писатель Антон Павлович Чехов не позволял себе подобного. Например, в «Красавицах» Антон Павлович с теплотой описывает поездку с дедом из Большой Крепкой в Ростов-на-Дону, которая, по словам старожилов села Большие Салы, состоялась в 1877 году. А в письме к А.С. Суворину от 29 августа 1888 года Чехов вспоминал: «В детстве, живя у дедушки в имении гр. Платова, я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки, шипения и ба-совый волчкообразный звук, который издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек - все это

врезалось в мою память как отче наш».

«Самые, однако, яркие и благоуханные впечатления юности Чехова связаны не с Таганрогом, а с деревней Княжей, где он проводил летние месяцы у своего деда, управляющего именем графини Платовой, - вспоминал товарищ Чехова Петр Сергеенко. - Сами по себе поездки из города в деревню (около 60 верст), то на лошадях, то на волах, в течение нескольких дней, с ночлегами под бархатным небом Украины, на душистых коврах свежего сена, - уже одни такие поездки - без старших и без тягостной опеки - должны были вносить в свобододлюбивую душу высокоодаренного мальчика целые гаммы новых впечатлений». Еще Сергеенко писал: «Приезд внуков всегда радовал гостеприимного старика», который «всячески баловал их, возил на беговых дрожках по полям...» Михаил Павлович Чехов вспоминал об Александре: он страдал запоями и в эти периоды особенно много писал; а потом сам же страдал от своих писаний... Пожалуй, Михаилу Павловичу поверишь скорее нежели Александру Павловичу.

Чеховские места в окрестностях Таганрога не потеряли своей прелести. Весьма заманчиво отправиться в бывшую зембулатовскую усадьбу - в хутор Котло-мин, в степной край на легких высоких холмах, - край вспаханных полей, разделенных прямо и вкось бесконечными лесополосами. Правда, весьма привлекательные вначале, пейзажи эти уже на полпути могут показаться однообразными... Путь оживят протянувшиеся вдоль трассы домики села Ефремовки - впрямь дачная местность: вдоль улиц - сирень, грецкий орех, непременные акации, дикие абрикосы, что зовутся в наших южных краях жерделями; а за сеточными и булыжными оградками дворов - сады-огороды...

Церковь Тихвинской Божией Матери, что была построена на средства графини А.С. Платовой и освящена в 1862 году, разрушили до Великой Отечественной войны; после войны на ее месте выстроили представительный Дом культуры, а рядом насадили парк - конечно, акации... Бывшая усадьба Зембулатовых - в трех верстах, ниже по течению реки Мокрый Еланчик.

Дорога на хутор Котломин начинается за селом, уходит на возвышенные поля в высоких трапах; под обрывами, в низине, среди тростника - фиолетовые язычки Мокрого Еланчика, а за рекой, за низиной - бугры, разделенные овражками: ковыль, полынь, разнотравье; вскоре за кладбищем - спуск в овраг к ручью, а за ним - хутор в три улицы. Первый двор - Серафимы Дмитриевны Кириченко: зимнее, летнее жилье, сарай из местных булыжников, садик.

Во дворе меня встретили приبلудившаяся коза, Дружок на цепи, цыплята и, наконец, сама хозяйка. «Мои строения как раз на старых фундаментах: здесь раньше был постоялый двор; это я от матери знаю, она у меня прожила девяносто девять лет, - улыбаясь, охотно говорила Серафима Дмитриевна. - Можно было к речке выйти, искупаться. Теперь все купаются дальше, на запруде, здесь - болото, все тростником поросло. Засорилась река, растекается, сколько раз двор заливало... А вон, на поле, видите курган? - там и стоял панский дом. Одни заросли теперь...»

Я подошел к кургану: напоминая тарелку кверху дном, порос он крапивой и окружи лея плотным кольцом сирени, диких вишен и абрикос. Высокие полевые травы пахли свежими яблоками. В 60-х годах здесь можно было видеть остатки фундаментов и дорожек - память о Зембулатове, о Чехове... Но уйдут последние старожилы - и кому будет принадлежать эта память? - этому полю, этому небу и этой необыкновенной - в ласковых переливах птиц - тишине...

Случилось мне побывать и на «дедушкиных» землях... Однажды со своим другом Игорем Алехиным на его новеньких «жигулях» я проделал тридцатикилометровый полукруг против часовой стрелки - от слободы Родионово-Несветайской до слияния Крепкой и Тузлова, где стоит Большая Крепкая слобода, по-нынешнему Большекрепинская. Конечно, лучше было бы по-чеховски, на подводе, сколь угодно долго. Но времена переменялись...

За окнами лениво двигались голые поля, редкие древние курганы, позади осталась Аграфеновка, и все никак не приближались бугорки вдаль, обещающие сменить, наконец, однообразный пейзаж... Мы и не заметили сразу, как под нами развернулась глубокая долина, которую преграждала непрерывная гряда холмов, то тут, то там разделенная балками; эти балки придавали холмам уютную упорядоченность и особую таинственность - ту, которую особенно остро ощущаешь в детстве, когда хочешь открыть неизведанные земли за семью морями; тогда и бугор кажется горой, и балка - ущельем.

Этого простора нам показалось слишком много на троих, слишком хорош он был даже для того, чтобы вознаградить за такой долгий и нескорый путь. И мы не могли оторваться от дивной картины - которая потому и появилась неожиданно, чтобы удивить, загипнотизировать, - пока не подпрыгнули на кочке: началась ухабистая грунтовка.

Она медленно съезжала к деревеньке, которая одной улицей вытягивалась вдоль еще невидимой, но угадываемой по зарослям тростника речке Крепкой. А справа от дороги опрокидывался обширный яблоневый сад - не иначе потомок платовского.

Где как не здесь, могли стоять барский дом, конюшня, амбар, колодец с журавлем и голубятня на столбах, где как не здесь, был «небольшой тенистый и сравнительно небольшой садик, спускавшийся к речке?» «Сама слобода спряталась где-то в овраге», - писал о Княжее Александр Павлович. Если смотреть отсюда, действительно оно так. Только слобода нынче носит исконное название - Плато-Ивановка.

Плато-Ивановская улица показалась нам длинной только, наверное, потому, что ехать по ней пришлось осторожно: увы, дорога ничуть не стала лучше, и машину трясло. Всмотриваясь в мирные, сонные, похожие друг на друга домики, я не заметил ничего примечательного, кроме «запорожской» хаты (козырек крыши с резным карнизом опирается на столбы открытой галереи, приподнятой на фундаменте); такая же хата пряталась за рекой - только заброшенная, пустая, в окружении какой-то дикой поросли. Последняя платовская старина, - напоминание о традициях первых украинцев-переселенцев... А где стояла некогда Успенская церковь, нам не смог сказать никто из здешних стариков.

Здесь, в Плато-Ивановке, Крепкая предстала во всей красе - бирюзовая от солнца, неторопливо-полноводная, чистая и неглубокая, если судить по свечению стелющихся по дну водорослей. Тростник, заботливо укрывавший берега, будто бы сдерживал размах реки, успокаивал ее и сам направлял в неопределяемые по явлению. Селение продолжалось и по правобережью - пожалуй, основная его часть, более оживленная и современная, - и вдруг окончилось открытым полем, словно Плато-Ивановка была недоразумением, нарушением прав природы, которой предопределено царствовать здесь в тишине и безлюдье, безгранично и вечно.

Дорога из насыпанного белого камня все ближе и ближе подбиралась к высоким буграм, утыканным молодыми сосенками, и яростно дымила из-под нашей машины густой молочно-серой пылью. У подножья над речным обрывом мы остановились оглядеться.

На дорогу напирала крутые склоны холма, за нижней террасой взбирались на вершину веселые сосенки; под нами выглядывали не успевшие спрятаться в камышах зеркальные речные лужицы, чуть дальше синела неподвижная заводь, открытая широкому плоскому лугу. А за рекой во все стороны разворачивалась молодо, светло зеленеющая степь, будто она сотворена только сейчас, и светились кое-где, как небывалые лампы, которые забыли утром выключить, редкие острова цветущего терновника. Ближе к горизонту непонятно откуда и куда протягивалась цепочка деревьев. Позади нас выстраивалась высокая гряда в складках балок, в которых декоративно белели и розовели узнаваемые коврики терновника; и робко выглядывала за низкими деревьями Плато-Ивановка.

А впереди, нацелившись на гребень горы, покрытой густым сосновым лесом, ровно убегала серая дорога. Там, за гребнем, перегородившим горизонт, Большая Крепкая слобода; по этой дороге Саша и Антоша тайно бежали от деда в надежде оттуда с помощью вернуться

домой, в Таганрог...

Большая Крепкая появилась далеко не сразу; и появившись, долго медлила принять вид крупного селения: все строились и строились друг за другом однообразные беленые домики, все брели один за другим табуны коров, как если бы мы захали на какую-то здоровенную ферму; куда-то в сторону завернула река, а справа шапками высились высокие бугры так и пршли караваном по всей слободе. Мне рассказывали местное предание: в основание фундамента церкви были забиты дубовые столбы, поскольку трижды она уходила под землю. И еще служил при ней звонарь, мастер вызванивать на колоколах гопак, на радость слободским танцорам... Церковь разобрали перед войной, и ее последний священник отец Иван устроился в школу учителем труда. Школа располагалась в старинном доме с шестиколонным портиком. Это и был... платовский дом, впоследствии проданный барыней разбогатевшему крестьянину Григорию Ивановичу Мазаеву.

О Мазаевых в своем документальном рассказе «Слобода Крепкая» упоминал известный на Дону писатель Виталий Закруткин. «Дей Иванович Мазаев и его сыновья, братья и племянники носились по степи в фордовских автомобилях, травили зайцев борзыми и били по щекам Безусов и Ляшенок, Чепусовых и Затуливетровых (Закруткин называет имена первопоселенцев слободы).

...Однажды, в 1918 году, ворвался в слободу Крепкую карательный отряд белых под командой есаула Белецкого и Гаврилы Мазаева. Запороли тогда шомполами четырнадцать крепинцев, да на площади возле церкви повесили четырех партизан... Заодно с ними Гаврила Мазаев повесил и своего родного брата Ивана Мазаева, который за день до этого, помолившись богу, предложил отдать все деньги и недвижимое имущество трудовому народу». Чем мог бы подтвердить эти слова Закруткин, уже не узнать: он давно почил...

После войны пострадавший от оккупации дом пошел на камень для строительства райкома партии.

...Однако слобода оживилась: улочки расходились вправо и влево, затененные абрикосами, акациями, пирамидальными тополями. Стало меньше коров - больше людей; вот слева школа и дом для учителей (место, где стоял барский особняк), справа большой сквер; за акациями и ольхой сквозила огромной высоты стела в память о погибших в Великую Отечественную войну: там свыше ста лет украшала слободу Покровская церковь... Ничего, ничего не осталось от платовской усадьбы, от чеховского времени, один лишь ландшафт... За Большой Крепкой дорога сошла в долину реки Тузлов, только-только принявшей в себя воды Крепкой. Возвращаться домой будет не скучно: вон снова, далеко справа, приближаются цепи холмов, не менее заманчивых и таинственных, чем на Крепкой...

«Ни одной красивой черточки, ни одного красивого выступа, на котором мог бы отдохнуть глаз, кругом -бесконечные поля», - писал Александр Чехов об окрестностях платовских владений. Вот тебе и все прелести!

Антон Павлович писал же иное, и слова его стали хрестоматийными (из письма на родину за 1898 год городскому голове Иорданову): «Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней как дома и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов, и что этот материал, милый и ценный, никому не нужен».

Очевидно, что второе высказывание принадлежит настоящему писателю, второе же - писателю-неудачнику, озабоченному лишь своим «я», заслоняющим для него других людей и окружающий мир. Собрание анекдотов - еще не творчество, а изложение сомнительных данных - никак не мемуары.